

Глеб Иванович Успенский

Памятливый

Глеб Успенский

Памятливый

«Public Domain»

1888

Успенский Г. И.

Памятливый / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1888

«...– Нет! Это чорт знает что такое! – неистово воскликнул Семен Васильевич, с треском отрываясь вместе с креслом от письменного стола и в бешенстве бросая стальное перо о бумагу, которую он писал, для доклада в комиссию, с величайшей тщательностью. Неистовый, раздирающий душу крик ребенка донесся из дальней детской и, с каждой минутой усиливаясь, вывел, наконец, Семёна Васильевича из всяких пределов терпения.– Целая орда баб, и ни минуты покою! Точно режут мальчишку! – кричал он во всеуслышание своего пустого кабинета, выбегая из него как бешеный...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Глеб Иванович Успенский

Памятливый

I

– Нет! Это чорт знает что такое! – неистово воскликнул Семен Васильевич, с треском отрываясь вместе с креслом от письменного стола и в бешенстве бросая стальное перо о бумагу, которую он писал, для доклада в комиссию, с величайшей тщательностью. Неистовый, раздирающий душу крик ребенка донесся из дальней детской и, с каждой минутой усиливаясь, вывел, наконец, Семена Васильевича из всяких пределов терпения.

– Целая орда баб, и ни минуты покою! Точно режут мальчишку! – кричал он во всеуслышание своего пустого кабинета, выбегая из него как бешеный. И хотя до детской надо было пройти всего пять-шесть шагов, но и в этот кратчайший промежуток времени он мгновенно и притом ожесточенно ощутил всю изнурительную сущность всей своей жизни, вплоть до того глупого доклада, над которым он корпел в кабинете из-за шести тысяч годового оклада. И все ощутилось как бессмыслица: и доклад, и жизнь, и дом, и этот крик. «Какое тут семейство? – Бессмыслица! лавочные счета! кубики... плетения... тьма денег, как в бездонную бочку! Нет времени доглядеть за ребенком». Все это кипело и клокотало в нем, когда он с грохотом и громом распахнул дверь в детскую и закричал:

– Что это такое за ад кромешный?

Жена, почти уже готовая ехать с Макаровыми, которые должны были заехать, в Панаевский театр, нянька с довольно острым турнюром, старуха теща и гувернантка, прибежавшая на крик из другой комнаты, где давала, урок, – все они, не умолкая, говорили множество всяких слов, говорили беспрерывно, громко, звонко, воодушевленно и так много, что никто ничего не понимал, и в то же время все копошились около трехлетнего мальчика, которого совершенно не видно было в этой толпе склонившихся голов и приподнятых турнюров. Взглянув на бешеную фигуру Семена Васильевича, все они не прекращали неумолкаемого крика и, очевидно, что-то отнимали у ребенка.

– Отдай! отдай!.. – на тысячи ладов трещала эта толпа женщин.

– М-мои гво-о-здики! – неистово кричал детский голос.

Ожесточенный Семен Васильевич еще более и острее ожесточился от этой жестокости женщин, которые, по его мнению, решительно бесчеловечны к детям. Вырвать из рук, сделать по-своему, когда ребенок сопротивлялся всеми силами, сказать ему обманом: «вот птичка летает!» и, когда он, плача, поверит, поднимет головку, разинет ротик, отыскивая птичку, тут-то ему и воткнут в рот ложку с касторовым маслом, задушат, заставят чуть не подавиться, надуют, обманут и вообще натворят без зазрения совести тьму нравственного насилия из-за касторового масла. Злоба закипела в нем белым ключом, и в особенности на жену, у которой был в волосах самый невинный цветок, и которая «отнимала» от мальчика что-то, как околодочный.

– Что вы, режете, что ли, Ваську? – неистово завопил он.

– Вы всегда кричите как сумасшедший! – громко и взволнованно воскликнула жена. – Он набрал гвоздей и не отдает... Вы никогда не хотите узнать...

– За каким чортом он набрал гвоздей? За чем же вы смотрите? Где вы были?

– Я только на одну минуту, – робко проговорила нянька.

– Я все слышала! – сердито говорила жена, продолжая теревить руку мальчика. – Отдай! Слышишь, я тебе говорю? Отдай!

– Мои гво-зди-ки...

И мать и нянька разнимали его руки, и Семен Васильевич хотел было отнять у них ребенка, но последний вдруг испустил такой убийственный вопль, какой исторгает какая-нибудь острая боль. Вместо того чтобы наброситься на женщин, Семен Васильевич в бешенстве закричал на мальчика:

– Отдай, каналья! Сейчас отдай! – и так топнул ногой, так гаркнул, что мальчик мгновенно разжал руки и, не переставая кричать и рыдать, остановил на отце пристальный, темный, глубокий недоумевающий взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.